DOI: 10.22394/2070-8378-2019-21-12-108-118

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ЯНА ОЛЕГОВНА АЛЛАХВЕРДЯН, аспирант кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы Института государственной службы и управления
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 82). E-mail: yana.allakhverdyan@gmail.com

МАКСИМ ИГОРЕВИЧ БОГАЧЕВ, кандидат социологических наук, преподаватель НИУ «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института государственной службы и управления
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 82). E-mail: bogachev2008@mail.ru

ВИЛЬЯМ ВЛАДИМИРОВИЧ ШМИДТ, доктор философских наук, профессор Института государственной службы и управления, член Управляющего совета Ассоциации российских религиоведческих центров
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 82). E-mail: william@list.ru

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА ЭЛБАКЯН, доктор философских наук, директор Центра религиоведческих исследований «РелигиоПолис», член Управляющего совета
Ассоциация российских религиоведческих центров (119454, Российская Федерация, Москва, ул. Лобачевского, 90). E-mail: elbakyanes@gmail.com

Аннотация: Религиозная система рассматривается в работе как элемент более сложной структуры: социально-политической (общественной) и политико-правовой (государственной). Авторы выделяют особенности этих систем и определяют принципы их взаимодействия, противоречия и ставят задачи по обеспечению ревизии отраслевых тезаурусов и переосмыслению понятийно-категориального аппарата. Необходимо выявить концептуальную определенность религиозной сферы гражданско-политических отношений в интересах национальной безопасности, учитывая угрозы внутреннего порядка. На фоне вызовов глобального и регионального уровней характеризуется потенциал отраслевых подходов к определению религии. В статье предлагается новый подход, в рамках которого религия определяется как отчуждение. Она описывается в виде сложного, полифункционального объекта: модели бытия с инвариантами миропорядка. Это такой миропорядок, принцип организации которого соответствует типу онтологии и эксплицируется в социальных функциях и аксиологии. Система миропредставлений (мировоззренческая система, имеющая уровневые спецификации) с инвариантами причинно-следственных отношений (праксиологии). Учитывая особенности феномена «отчуждения» как фундаментальной функции (открывать, обеспечивать проявление универсалий и категорий, базовыми из которых являются следующие биномы: «бытие – ничто», «сакральное – профанное», «духовное – вещное», «идеальное – материальное», «Бог / Абсолют – человек», «трансцендентное – трансцендентальное / имманентное», «власть – право / обязанность», «единое / целое – конкретное / индивидуальное», «общее – частное» и др.), авторы обращают внимание на сходство между религией и властью в том отношении, что именно феномен «отчуждение» обусловливает процессы сакрализации, клерикализации власти, религизации политики и идеологизации, политизации религии.

Благодарность. Материал подготовлен по итогам реализации государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы 2018 года № АААА-А18–118013190105–2: «Система экспертно-аналитического обеспечения религиозно-политических процессов на региональном и муниципальном уровнях органов законодательной и исполнительной власти Российской Федерации» в рамках научного направления «Социально-исторические, политико-правовые, культурологические и философские исследования».

Ключевые слова: религия, религиозная традиция, религиозный комплекс, идеократия, эпистема, гражданско-политические отношения, национальная безопасность

Статья поступила в редакцию 10 сентября 2018 года.

Аллахвердян Я.О., Богачев М.И., Шмидт В.В., Элбакян Е.С. Религиоведение в контексте национальной безопасности. *Государственная служба.* 2019. № 2. С. 108–118

RELIGIOUS STUDIES IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY

YANA O. ALLAKHVERDYAN, Postgraduate of the Chair of Legal Support of State and Municipal Service
Institute of Public Administration and Civil Service
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119571). E-mail: yana.allakhverdyan@gmail.com

MAXIM I. BOGACHEV, Cand. Sci. (Sociology), Lecturer of the National Research University Higher School of Economics
Senior Researcher of the Institute of Public Administration and Civil Service
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119571). E-mail: bogachev2008@mail.ru

WILLIAM V. SCHMIDT, DR. Sci. (Philosophy), Professor
Institute of Public Administration and Civil Service
Member of the Governing Council of the Association of Russian Religious Studies Centers
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119571). E-mail: william@list.ru

EKATERINA S. ELBAKYAN, Dr. Sci. (Philosophy), Director of the Center for Religious Studies 'ReligioPolis', member of the Governing Board
Association of Russian Religious Centers (90, ul. Lobachevskogo, Moscow, Russian Federation, 119454). E-mail: elbakyanes@gmail.com

Abstract: The religious system is considered in the work as an element of a more complex structure: socio-political (public) and political-legal (state). The authors identify the features of these systems and determine the principles of their interaction, contradictions and set tasks to ensure the revision of industry thesaurus and rethink the conceptual and categorical apparatus. It is necessary to identify the conceptual certainty of the religious sphere of civil-political relations in the interests of national security, taking into account the threats of internal order. Against the background of global and regional challenges, the potential of sectoral approaches to the definition of religion is characterized. The article proposes a new approach in which religion is defined as alienation. It is described as a complex, multifunctional object: a model of being with world order invariants. This is a world order, the principle of which corresponds to the type of ontology and explicates in social functions and axiology. Worldview system (ideological system having level specification) with the invariants of causal relations (praxeology). Taking into account the peculiarities of the phenomenon of 'alienation' as a fundamental function (to discover, to ensure the manifestation of universals and categories, the basic of which are the following binomials: 'being-nothing', 'sacred-profane', 'spiritual-thing', 'ideal-material', 'God/absolute-man', 'transcendent-transcendental/immanent', 'power-right/duty', 'single/whole-concrete/individual', 'general – private', etc.), the authors draw attention to the similarities between religion and power in the sense that it is the phenomenon of 'alienation' that determines the processes of sacralization, clericalization of power, the religization of politics and ideologization, the politicization of religion.
Acknowledgment: This Material was prepared on the basis of the implementation of the state task for the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration of 2018 №AAA-A18–118013190105–2: 'System of expert-analytical support of religious and political processes at the regional and municipal levels of Legislative and Executive authorities of the Russian Federation' in the framework of the scientific direction 'Socio-historical, political-legal, cultural and philosophical studies'.
Keywords: religion, religious tradition, religious complex, ideocracy, episteme, civil-political relations, national security

The article was received on September 10, 2018.

Allakhverdyan Y.O., Bogachev M.I., Schmidt W.V., Elbakyan E.S., Religious studies in the context of national security. In: *Gosudarstvennaya sluzhba*. 2019. № 2. P. 108–118. In Russian.

Введение

Конституционные основы Российской Федерации применительно к сфере государственно-религиозных отношений устанавливают следующие принципы:

– неотчуждаемость мировоззренческих свобод, лежащих в основе личностных, субъектных начал гражданина и этнокультурных, духовных практик и различных укладов, образующих единый многонациональный народ России;

– свобода выражать и распространять убеждения (в том числе воспитывать согласно им своих детей, воспроизводить этнокультурные уклады); это является основанием для воспроизводства социально-политической общности, в рамках которой формируются политические культуры (инструменты, институты и идеологии);

– отделенность и равноудаленность религиозных объединений от государства, их равенство перед законом;

– запрет на установление какой-либо идеологии в качестве государственной, что является достаточным и необходимым условием для политико-правового равенства мировоззренческих оснований и соответствующих им этнокультурных, религиозных и нерелигиозных социально-экономико-политических укладов как национальных в интересах сохранения и воспроизводства общности и гражданско-политической целостности, суверенности;

– запрет на установление какой-либо религии в качестве государственной или обязательной;

– запрет образования политических партий по религиозному признаку, что предохраняет перевод религиозных различий в сферу политической конкуренции.

Однако в реальности эти принципы не всегда соблюдаются. В результате усилились центробежные стремления различных объединений, увеличилась конфликтогенность в идеологической сфере, активизировалось противостояние в религиозных группах, направляющих свои усилия на приобретение большего политического веса в совещательных и консультативных институциях, а также в органах исполнительной и законодательной власти.

Религиозный фактор и социально-политические процессы

Уход в государственно-религиозных отношениях от состояния эквилибриума и последовательная криминализация по религиозно-мировоззренческим основаниям самых разных групп стимулирует переход противостояния из духовной сферы в политическую [Lucius, 2013. P. 66–70]. Вследствие этого, помимо клерикализации политики (привнесения в политическую жизнь религиозных ценностей и смыслов), развернулся близкий по содержанию, но противоположный по результатам процесс политизации религии. Такое развитие событий деформировало установившийся в России на рубеже веков «проправославный консенсус», что усилило поляризацию общества, для многих представителей которого религиозный вопрос оказался тождественным политическому.

На поведенческом уровне это выразилось поначалу в относительно мирных акциях (панк-молебен группы «Pussy Riot» в храме Христа Спасителя, различного рода выступления православной общественности, направленные на срыв или запрет спектаклей, концертов и т.п.), но логика процесса стала приобретать более отчетливые формы противоправных и общественно опасных деяний: побои, хулиганство, вандализм и действия экстремистского характера (вторжение группы православных во главе с Д. Смирновым на праздник, организованный радиостанцией «Серебряный дождь»; погром движением «Божья Воля» выставки В.А. Сидура в Манеже, разрушение барельефа с фигурой Мефистофеля в Санкт-Петербурге; избиение защитников парка «Торфянка»; террористическая атака на кинотеатр «Космос» в Екатеринбурге и поджег автомобилей у студии режиссера А.Е. Учителя, устроенные православными фундаменталистами). Все это свидетельствует об актуальности изучения роли религиозного фактора в контексте национальной безопасности и целого ряда остро стоящих проблем в сфере государственных и общественных отношений.

Религиозный фактор как модель, формирующая структуру идеологии, является эффективным инструментом интеграции или дезинтеграции в социально-политических процессах. Использование этого фактора политической властью представляет собой прагматичный лоббизм элит, для которых «игра религиями» удобна для маскировки своих идеологических фикций под исконностью и традиционностью. Это придает особую выразительность одним идеям в борьбе с другими идеями, заключает в себе внушительную побуждающую силу. Однако неумелая игра в данном случае опасна внутренними конфликтами, особенно в такой мультирелигиозной и полиэтнической стране, как Российская Федерация. Риски нивелирования этнонациональных ценностей и утраты культурно-цивилизационной самобытности различных народов в условиях нарастающей глобализации весьма велики [Козлов, Шмидт, 2014. С. 165–167].

Администрирование в сфере государственно-религиозных и общественно-религиозных отношений

На прошедшем 17 ноября 2016 года в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Круглом столе под председательством представителя Сената в Министерстве юстиции

России Е.Б. Мизулиной[1] со всей серьезностью поднимались вопросы придания особого юридического статуса традиционным религиям России, 20 лет назад перечисленным в преамбуле Федерального закона Российской Федерации от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». На наш взгляд, изменение этого «культурного статуса» на юридический может привести к правоприменительным издержкам, так как спекуляции традиционностью, в особенности в органах государственной власти, зачастую приводят к именованию «сектами» и «мошенниками» религиозных организаций [Мартинович, 2008. С. 48–87; Мартинович, 2018. С. 132–177], представленных в Президентском совете по взаимодействию с религиозными объединениями[2].

В контексте рассматриваемой темы возникает вопрос оценки системы поправок «пакета Яровой–Озерова», которые вызвали столь бурную реакцию в религиозной сфере страны: не являются ли они экстраполяцией противоречий внутри исламских организаций на все религиозные объединения страны?

Если государство помогает какой-то крупной организации избавиться от нежелательных элементов, оказавшихся на ее «канонической территории» и занимающихся там миссионерством, привлекать в свои ряды («религиозные меньшинства») российских граждан, в то время как исходя из неких общепринятых представлений, они должны быть членами религиозных организаций исторических религий или, по крайней мере, разделяющими их мировоззренческие установки, то в итоге проигрывают не только религиозные меньшинства, деятельность которых в стране сворачивается либо под неким предлогом запрещается, но и исторические религии.

Став «должниками» за эту помощь государству, религиозные организации неизбежно утрачивают не только свой морально-идеологический суверенитет – им приходится поддерживать и оправдывать все действия государственно-политической власти, ее институтов даже в том, что, возможно, противоречит их доктринальным установкам. На первый взгляд, в контексте обеспечения государственной безопасности такая согласованность и даже «симфоничность» довольно хороша и привлекательна. Однако оказывается, что на деле это лишь видимость «хорошего»: для религиозных организаций происходит утрата собственной идентичности и фактическая слитность с государством (при юридическом провозглашении отделенности). Для государства это опасная ситуация, характеризующаяся формированием «религиозного подполья» и повышенными рисками в сакрально-идеократической сфере, связанной с легитимационно-идеологическими функциями и процессами.

Необходимо видеть стратегическую перспективу и понимать, что верующие люди не станут в одночасье не верующими. Напротив, внешние трудности только укрепляют в вере – вспомним массу примеров 30-х годов XX века, когда в лагерях сидели и православные священники, и мусульманские муллы, и буддийские ламы, и свидетели Иеговы, и представители других религиозных традиций. Верующими не перестают быть лишь потому, что их религиозную организацию закрыли; обычно число таких людей лишь возрастает.

Получается, что неумелое, недальновидное администрирование в сфере государственно-религиозных и общественно-религиозных отношений создает неконтролируемый или плохо контролируемый очаг напряженности в самом государстве, среди собственных граждан, которых оно призвано защищать. Ведь все члены нетрадиционных религиозных групп – российские граждане, причем, как правило, законопослушные, платящие налоги, в том числе и для того, чтобы оно их защищало, а не преследовало. Что касается незаконопослушных граждан, оказавшихся членами новых религиозных движений, то в таких случаях за свои поступки отвечает каждый конкретный гражданин, независимо от своей религиозной принадлежности, которая вовсе не определяет наличие подобных делинквентных поступков.

На наш взгляд, крайне опасными для общества являются установки на патриотизацию религиозных чувств и мировоззрений. Странно полагать, что если человек все в своей стране громко восхваляет, то он непременно будет патриотом, а если критикует (на что имеет право как гражданин) – антипатриотом. Такой подход ошибочный, поскольку со всем соглашаться для личной судьбы человека, конечно, оказывается гораздо проще и комфортнее, но куда сложнее, видя какие-то проблемы и недостатки, не бояться их критиковать, чтобы в стране и государстве ситуация улучшалась. Постепенно мы подойдем к преодолению конституционного противоречия – осознанию факта, что мировоззренческие свободы и возникающая на их основе сфера религиозных и этнокультурных отношений должна регулироваться нормативным актом на уровне не ниже кодекса. Необходим новый документ общеполитической значимости (Концепция или Стратегия государственной политики в сфере религиозных отношений по аналогии с другими Стратегиями государственной национальной / культурной / молодежной / и т.п. политики). На высоком уровне эта проблема была обозначена в 2018-м в Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений на Круглом столе «Традиции государственно-рели-

1 http://izvestia.ru/news/645810#ixzz4QVPdpIRX

2 http://www.kremlin.ru/events/councils/by-council/17

гиозных и межрелигиозных отношений в России – новый международный стандарт»[3].

Выработка политических решений в отношении религиозно-мировоззренческого разнообразия

Как показывает история любой организации, в том числе и религиозной, никакой специально организованной деятельности по ее дискредитации и / или диффамации не нужно – все случается само собой, если не обеспечивать контроля над ее информационным потоком. Главное в религиозно-идеократической политике государства – цензура. Специальная антидиффамационная политика – надзор и контроль над средствами массовой информации, работающими с объектами религиозной сферы, информационным балансом.

Необходимо также обратить внимание на проблему стандартизации. На сегодняшний день работа по формированию Профессионального стандарта № 1191 «Специалист в сфере национальных и религиозных отношений» уже завершена [Козлов, Шмидт, 2017. С. 76–78]. Он был утвержден Приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 2 августа 2018 года № 514н. Однако, в соответствии с рекомендациями Управления Президента по внутренней политике Администрации Президента Российской Федерации и согласно Приказу Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, в отличие от предложений группы разработчиков, данный профстандарт ориентирован лишь на «специалистов в области политики и администрирования», т.е. на государственных и муниципальных служащих, чья деятельность определяется Общими квалификационными требованиями для замещения должностей муниципальной службы в органах местного самоуправления. Так, из двух обобщенных трудовых функций «Организация деятельности по сохранению этнокультурного многообразия народов России, укреплению межнационального (межэтнического) и межрелигиозного мира и согласия» (код «А», уровень квалификации 6) и «Управление национальными и религиозными отношениями народов России в деятельности организации, включая социальную и культурную адаптацию мигрантов» (код «В», уровень 7) в итоговой версии профстандарта осталась одна, а именно: «Организация и обеспечение деятельности государственных и муниципальных служащих, общественных объединений и организаций, направленной на укрепление общероссийской гражданской идентичности, сохранение этнокультурного многообразия народов России, межнационального (межэтнического) и межрелигиозного согласия, социальную и культурную адаптацию и интеграцию» (код «А», уровень 7), из которой была исключена формула «общественных объединений и организаций».

На наш взгляд, это говорит об устойчивой тенденции – последовательном усугублении противоречий системного, сущностного порядка. Подобные решения органов исполнительной власти, сколь бы формально логичными и обоснованными на первый взгляд ни казались, формируют политико-правовые условия, способные нанести ущерб конституционным основам и государственно-политическому устройству Российской Федерации, нивелируют те базовые принципы, на которых утверждено Российское государство как федеративное. В частности, они формируют условия для правового ограничения институтов гражданского общества и граждан при реализации государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» (утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2016 года № 1532) и разбалансировке стратегических целей национальной политики за счет невозможности исполнять нормы Федерального закона Российской Федерации от 3 июля 2016 года № 238-ФЗ «О независимой оценке квалификации».

Анализ сферы государственно-религиозных отношений указывает на наличие ряда острых проблемных моментов, которые можно определить как общесистемные и политические:

– фактическое превращение религиозных традиций[4] в опору государственно-политической идеологии и политики, при том, что религиозные организации исключены из системы политико-государственной деятельности и не имеют развитых и должным образом функционирующих инструментов академического и экспертно-аналитического производства, для того чтобы обеспечивать эффективное реагирование на комплексные вызовы, с учетом происходящей диверсификации и перераспределения социально-политических функций между государственными и гражданско-политическими институтами общества;

– упрощение и опрощение на уровне политического дискурса и выработки политических решений в отношении религиозно-мировоззренческого (цивилизационного) разнообразия и своеобразия, диффамация и десакрализация религиозных объектов в контексте связанных с ними религиозных комплексов, этнокультурных противоречий, особен-

3 http://igsu.ranepa.ru/events/p66816

4 Под словом «традиция» понимаются различные религиозные и этнокультурные традиции (от институциональных до неинституционализированных), которые имеют иерархическую структуру, органы управления, цели и задачи, соотнесенные с выработанными в истории метафизическими моделями (аксиоматическим ядром, представленным в виде онто-гносеологической и аксеологической системы), образующие социальный пласт и являющиеся частью гражданского общества Российского государства.

ностей и уникальностей, вплоть до маргинализации и криминализации последних;

– спорадически противоречивый (не единообразный, ангажированный), репрессивный характер судопроизводства в отношении отдельных религиозных объединений и представителей религиозно окрашенных мировоззренческих систем, доктрин и установок.

Следует отметить, что до недавнего времени для России подобная категория судебных дел не была актуальной. В настоящее время она так же немногочисленна, в связи с чем российское общество, в том числе юристы и религиоведы, имеют возможность наблюдать за процессом становления и развития правовой системы Российского государства и судебной практики в данной области.

В процессе правоприменения норм возникают определенные сложности. В частности, Федеральный закон Российской Федерации от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»[5] в статье 4 закрепляет принципы государственной судебно-экспертной деятельности, к числу которых относятся законность, соблюдение прав и свобод человека и гражданина, юридического лица, независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники, а в последующих статьях (5–8) раскрывается суть каждого из перечисленных принципов. Однако данный закон не содержит нормы, которая обязывала бы эксперта при подготовке заключений применять такие общенаучные принципы, как верификация, объективность, рациональность, методичность, истинность, системность, изменяемость частей, интерсубъективность, аксиологическая нейтральность и т.д. Более того, обозначенного требования в отношении обязательного применения общенаучных принципов при проведении государственной религиоведческой экспертизы не содержит и специальный нормативный правовой акт – Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 18 февраля 2009 года № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе»[6]. Однако только в случае применения таких принципов можно говорить об объективности и научной обоснованности религиоведческой экспертизы.

Исходя из всего вышесказанного, можно определить задачу исследователя следующим образом: осуществляя анализ новых, нетрадиционных религиозных движений и политико-идеологических феноменов, он должен быть объективным, готовым безоценочно относиться к объекту изучения, свободным от стереотипов и страхов. Научный работник обязан приложить максимум усилий, чтобы воздержаться от навязывания анализируемому явлению своего, субъектно-ориентированного, понимания «религиозности» и «религиозной деятельности». При этом его неангажированность (несвязанность стереотипами) должна иметь место как в плоскости выстраивания взаимоотношений внутри анализируемого явления (религиозного / квазирелигиозного феномена и возникающего на его основе социального явления – например, религиозного движения), так и в плане создания и развития внешней коммуникации, т.е. между анализируемым явлением и существующими в государстве институтами гражданского общества, органами власти и управления и, безусловно, отдельно взятыми лицами, находящимися в одной пространственно-семиотической плоскости (территории).

Необходимо отметить, что российский законодатель определил уникальную способность религиозных, этнических, правозащитных и иных организаций быть вовлеченными в деятельность, направленную на дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации, в том числе в различных регионах мира. Так, они могут способствовать подрыву общественной стабильности, суверенитета и нарушению территориальной целостности государств. Кроме того, для нагнетания межнациональной напряженности, а также разжигания этнической и религиозной ненависти, различные террористические и экстремистские организации широко используют механизмы информационного воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание (раздел III, пункты 12 и 13 Доктрины информационной безопасности России)[7]. С учетом обозначенных рисков, закрепленных на законодательном уровне, возникает вопрос о том, кто в государстве должен определять эти риски?

Если мы рассматриваем исследователя как узкопрофильного специалиста, т.е. определяем, что его научная работа преследует исключительно научные цели, то нам в резолютивной части такого

5 Федеральный закон Российской Федерации от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ (ред. от 8 марта 2015 года) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». *Собрание законодательства Российской Федерации*, 2001. Июнь, 4. № 23, ст. 2291.

6 Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 18 февраля 2009 года № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе» (вместе с «Порядком проведения государственной религиоведческой экспертизы», «Положением об экспертном совете по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации»). Зарегистрировано в Минюсте России 25 февраля 2009 года № 13430. *Российская газета*, 2009. Март, 13. № 43.

7 Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 года № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». *Собрание законодательства РФ*, 2016. Декабрь, 12. № 50, ст. 7074.

труда не следует рассчитывать на наличие выводов о том, что деятельность тех или иных анализируемых объектов (религиозных организаций или групп), возможно, является дестабилизирующей по отношению к внутриполитической и социальной ситуации в конкретном государстве, а также о том, что их деятельность, возможно, направлена на разжигание этнической и религиозной ненависти лишь по той причине, что это не будет входить в предметно-объектную область исследования.

Дело обстоит иначе, если к работе приступает исследователь-аналитик, в предметно-объектную область которого входит определение, является ли деятельность того или иного анализируемого объекта деструктивной и дестабилизирующей по отношению к личности и обществу, их безопасности, сохранению их идентичности, целостности, суверенитета и т.д. Тогда необходимо выявить и установить, привлекая аналогии с анализируемым объектом из существующих в настоящее время либо существовавших ранее, является ли такая деятельность конкретной, мнимой или притворной (в правовом понимании этих понятий), каковы принципы и функции, источники финансирования и центры принятия решений, а также каковы результаты и последствия исследуемых явлений.

Религиозный комплекс и объект религиоведения

Некоторые сторонники теологических, конфессиональных подходов в религиоведении, в том числе и к обеспечению религиоведческой экспертизы, полагают, что понятие «религиозного комплекса» устарело. Между тем совокупность и единство четырех элементов (религиозное сознание, деятельность, отношения и организация) позволяет говорить о том, что мы имеем дело с религией [Классификация религий..., 2008. С. 155–210]. В отличие от других объектов науки, религиозный комплекс является сложно организованным целым. В своей структуре он имеет следующие элементы: представление о Боге и человеке, их отношениях. Религиозное сознание определяет деятельность, которая предстает как религиозный культ и ритуал. Нерелигиозная деятельность, хозяйственная, связана с установками сознания, мотивами и чувственным переживанием. Мы выделяем еще один элемент комплекса – диалог, являющийся, по сути, одной из форм отношений и предстающий как основа социального бытия.

Объект религиоведения в силу его природы не только образует определенную модель картины мира, но и является ее «ядром». Религиозный комплекс, по сути, отражает все основные элементы бытия, их функции, включая и социальную роль религии. Отсюда можно сделать логичный переход к религиозной системе и понять, как он воспринимается в народно-хозяйственном комплексе страны с учетом специфики этого вида производства – смысло-ценностных акцентуаций и актуализации собственно религиозного фактора. Становится очевиден вывод о том, что религиозный комплекс является своего рода моделью-матрицей, фракталом, который репрезентирует образ бытия и картину мира в ее основных структурных элементах [Харитонов, Шмидт, 2012. С. 21–30]. Иерархизирующий принцип модели оказывается тесно связан не только с регенеративной функцией, которую способна выполнять религия, но и системой социально-политического воспроизводства общества в целом.

Если смотреть на религиозный комплекс под философско-методологическим углом зрения, то очевидно, что он одновременно является не только объектом и предметом, но также может выступать в качестве категории, использование которой возможно во всех отраслях социально-гуманитарного знания. С помощью этого инструмента (как базовой категории) можно анализировать сложно организованные системы в рамках антропологического, культурологического, исторического, социологического, политологического подходов. Религиоведение, с учетом специфики его предмета (специфики понимания высшего начала или основания, каким является трансцендентное, нуминозное (Абсолют и Сущее, Небытие и Инобытие, Сакральное и Святое и т.д.), знания закономерностей их бытования в картине мира, в прикладном аспекте выступает тем универсальным инструментом, квалифицированное использование которого влияет на обеспечение цивилизационного диалога этнокультурных, религиозных и нерелигиозных картин мира, а профессиональное освоение и эффективное его использование является залогом стабильности и безопасности человека и мира в целом [Шмидт, 2015. С. 180–190; Шмидт, 2016. С. 25–29].

Мы полагаем, что эта специфика у религиоведения, как науки, появляется потому, что его главный объект образуется так же, как известный в философии феномен «отчуждение». Если посмотреть на основной для религии феномен (веру) с философско-религиоведческой точки зрения, то можно заметить, что объем и содержание этого понятия есть отчуждение, которое обеспечивает становление «Я» (субъектность, суверенность). Особенность природы отчуждения – есть способность открывать, обеспечивать проявление таких универсалий и категорий, как биномы «бытие – ничто», «сакральное – профанное», «духовное – вещное», «идеальное – материальное», «Бог / Абсолют – человек, мир», «трансцендентное – трансцендентальное / имманентное», «власть – право / обязанность», «единое / целое – конкретное / индивидуальное», «общее – частное» и т.п. Отсюда возникает ощущение, что «природная», по отчуждению, схожесть религии и социального начала, а в пределе и власти, обусловливает процессы сакрализации, кле-

рикализации власти и религизации политики, а также идеологизации и политизации религии. По сути, происходит диффамация, если в культуре институты науки и образования не удостоверяют их онто-аксиологический статус, а законодательные и правоохранительные органы не обеспечивают разделение властей и развитие гражданско-государственных процессов и институтов [Ризоев, Шмидт, 2018. С. 337–342].

Поскольку спецификой религиозного комплекса является его фрактальная основа и способ функционирования, то его можно активно использовать при анализе опыта, который мы получаем, работая с объектами наличного и духовного бытия (понятийными аппаратами, психосоматическими феноменами, социальными явлениями, артефактами культуры). Он также выступает элементом логического оператора: способен устанавливать логические ориентиры и оказывать влияние на контекст выбираемых исследователем гносеологических моделей, не говоря уже о зависимости не только интерпретаций, но и собственно выводов от исследовательских подходов. Возможно, именно этим обусловлен тот факт, что науке известно более 1000 определений религии, а их систематизация все еще не завершена [Аринин, 2013; С. 5–30; 750 определений религии..., 2014. С. 15–45].

Культовая и внекультовая деятельность религиозных организаций

Определим, каким образом в структуре деятельности религиозных организаций соотносятся культовая и внекультовая части. В последнее время можно услышать мнения, что из-за специфики или структуры социальной деятельности религиозная организация может перестать быть таковой. Это утверждение приводит к проблеме религиозности той или иной организации. К примеру, у определенной организации должно быть 60% культовой и 40% внекультовой деятельности; но как определить качественные основания вида организации – с помощью количественного подхода? Свидетельствует ли наличие внекультовой религиозной деятельности (например, издательской, хозяйственно-экономической и других видов и форм, в которых, в принципе, могут принимать участие и не члены конкретной религиозной организации), об отсутствии религиозного характера объединения? Является ли торговля на территории, относящейся к конкретной религиозной организации, показателем отсутствия у нее религиозного статуса?

С этой проблемой связан еще один, более значимый вопрос: источники финансирования религиозных организаций. Наша позиция состоит в том, что если все подобные организации по закону отделены от государства, то они не могут иметь финансирования из средств налогоплательщиков. Вместе с тем, существуя в рамках «земной ситуации», такие структуры должны иметь финансовые средства и быть платежеспособными по всем статьям своих расходов, в том числе, например, за коммунальные услуги, чтобы в культовом здании и иных помещениях было светло, а зимой еще и тепло, и т.д. Откуда, кроме оплаты элементов культовой практики, продажи предметов культового назначения, а также пожертвований со стороны верующих и благотворителей, у этих организаций могут появиться финансовые средства?

В своем исследовании религиовед, как ученый, не вправе придерживаться ни апологетических, ни критических суждений в отношении объекта своего изучения. Этот принцип в свое время был провозглашен докторами философских наук, профессорами А.П. Забияко, А.Н. Красниковым, Е.С. Элбакян при подготовке концепции журнала «Религиоведение» и словарно-энциклопедических изданий «Религиоведение: энциклопедический словарь» (М., 2006), «Религиоведение: учебный словарь» (М., 2007), «Энциклопедия религий» (М., 2008) и др.

Правозащитная деятельность и ее особенности

Если понятие «правозащитная деятельность» трактовать широко, то в принципе любой человек будет правозащитником в том смысле, что в случае каких-то проблем с нарушением своих прав, он будет их защищать (например, право на качественное медицинское обслуживание. В этом смысле не только адвокат, но и прокурор, и судья могут считаться правозащитниками, поскольку каждый из них своей профессиональной деятельностью выступает за сохранение различных прав граждан. Ставить вопрос о защите прав религиозных организаций религиоведом можно только в этом самом широком смысле – в аспекте предоставления последним объективных данных, результатов исследования религиозных феноменов и деятельности организаций. Осуществляя компаративный исторический и социологический анализ, религиовед может и должен выявлять тенденции и закономерности в развитии ситуации, видеть ее перспективы для всех исследуемых религиозных организаций, а в более широком контексте – для общества в целом, показывая роль религии в жизни общества.

Искусственное противопоставление здесь явно надумано: в этом расширительном смысле врач окажется правозащитником пациента, ибо он должен его лечить, обеспечивая тем самым защиту его права на медицинское обслуживание, а в итоге – на здоровье и жизнь. При этом он, врач, безусловно, должен испытывать эмпатию по отношению к пациенту (от врача, этим качеством не обладающего, тут же сбежит любой пациент).

В узком смысле правозащита имеет некие политические основания, но она отнюдь не сводится

к «диссидентству». Последнее является лишь ее незначительным признаком, частью, да и то лишь в странах с тоталитарными формами правления. Когда мы говорим о нетрадиционных религиозных группах и исторических религиях, мы, безусловно, должны понимать, что фиксируемые в них феномены имеют значительные различия – нельзя переносить признаки одной традиции на другую. Столь же предосудительно менять критерии оценки, ставить их в зависимость от политико-идеологического контекста. Если бы, к примеру, Русскую православную церковь стали обвинять в том, что она не религиозная, а социальная организация (основы ее социальной концепции свидетельствуют о том, что в ней ведется огромный объем внекультовой деятельности), как бы поступили религиоведы? Очевидно, что их заключение в этом случае оказалось бы защитой религиозного статуса церкви.

Новые религиозные движения находятся в поле внимания религиоведов чаще иных лишь потому, что из-за их инаковости возникает больше вопросов, на них приходится большее число необоснованных претензий и нападок. Если такие нападки возникали по адресу крупных религиозных организаций и групп, то интенсивность и частота упоминания последних, в том числе с признаком скандальности, была бы выше. Действующим законодательством Российской Федерации установлено, что при отправлении правосудия обязательным является соблюдение принципов законности, равенства перед законом и защиты (а в случае необходимости – и восстановления) нарушенных законных интересов, прав и свобод человека, гражданина, организаций.

На законодательном уровне закрепляются объективность и полнота судебно-экспертного исследования, которое должно базироваться на строго научной или практической основе и осуществляться в пределах соответствующей специальности в полном объеме, необходимом для установления обстоятельств по конкретному делу. Законодатель также закрепил нормы, в соответствии с которыми гарантируется и обеспечивается независимость и объективность эксперта. Осуществляемое им всестороннее и полное исследование должно базироваться на строго научной и практической основе, положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных. При этом соблюдение обозначенных принципов и задач законодатель гарантировал независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям и организациям (независимо от их организационно-правовой формы, формы собственности, места нахождения, подчиненности и др.)[8]. Кроме обозначенных гарантий законодатель также предусмотрел и уголовную ответственность эксперта – от взыскания штрафа и назначения обязательных / исправительных / принудительных работ до лишения свободы[9].

Если посмотреть на судебную экспертизу сквозь призму связанности суда ее результатами, то выводы, к которым приходит эксперт в процессе своей профессиональной деятельности, целиком и полностью зависят от полноты, качества, корректности поставленных перед экспертом вопросов, которые вправе представлять суду все стороны и лица, участвующие в деле. Заметим, что законодатель также установил, что окончательный круг вопросов, по которым требуется заключение эксперта, определяется судом и, несмотря на то, что возможность обжалования определения суда о назначении экспертизы весьма призрачна[10], заинтересованные стороны и лица судебного процесса могут воспользоваться правом, предусмотренным законом, и заявить отвод эксперту либо ходатайствовать перед судом о назначении повторной, дополнительной, комплексной или комиссионной экспертизы. Безусловно, все подобные процедуры требуют от участвующих в судебном процессе сторон и лиц не просто юридической грамотности, но высокого уровня профессионализма. Кроме этого, не стоит забывать, что заключение эксперта не имеет для суда заранее установленной силы, а оценивается судьей по своему внутреннему убеждению, наряду с другими имеющимися в материалах дела доказательствами[11].

Можно заключить, что пока в обществе будет су-

8 Конституция Российской Федерации (12 декабря 1993 года; с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ). Собрание законодательства Российской Федерации, 4 августа 2014 года. № 31, ст. 4398; Федеральный закон Российской Федерации от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ (ред. от 8 марта 2015 года) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Собрание законодательства Российской Федерации, 4 июня 2001 года. № 23, ст. 2291; Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ (ред. от 27 июня 2018 года). Собрание законодательства Российской Федерации, 18 ноября 2002 года. № 46, ст. 4532.

9 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 3 июля 2018 года). *Собрание законодательства Российской Федерации*, 17 июня 1996 года. № 25, ст. 2954.

10 Институт судебных экспертиз и криминалистики: Результаты экспертизы: https://ceur.ru/library/articles/jekspertiza/item100462

11 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года. № 138-ФЗ (ред. от 27 июня 2018 года). *Собрание законодательства Российской Федерации*, 18 ноября 2002 года. № 46, ст. 4532.

ществовать необъективность, в том числе в вопросах, связанных с производством экспертиз, непрофессиональные, ангажированные эксперты останутся, и, как следствие, сохранится потребность в преодолении этой проблемы ради безопасности.

Проблемы профессиональной компетентности и ответственности очень важны, учитывая последствия от неоправданной, ангажированной спекулятивности. Это можно показать на примерах, связанных с ликвидацией религиозных организаций по весьма сомнительным основаниям [Панин, Козлов, 2016. С. 80–95], о чем велись активные дискуссии в сетевом пространстве (например, в отраслевых группах «Религиоведение: вчера и сегодня»[12] и «Социология религии»[13]).

В 2017 году говорилось о недопустимости ангажирования и политических спекуляций в научной отрасли и навязывания мировоззренческих предпочтений, принятия их за научные подходы (якобы может существовать конфессиональная наука, в частности, христианское / мусульманское / буддийское / иудейское и т.п. религиоведение). Необходимо учитывать возможные издержки от этого в части изменения правового положения религиозных организаций и регулирования религиозной сферы общества в целом. Результаты исследований в противном случае будут поставлены в зависимость от оценочных суждений и на деле ими подменены; произойдет нивелировка базовых положений научных теорий, являющихся инструментом познания и универсальным механизмом регулирования социальных систем. В 2016 году мы говорили, что всякое конфессиональное религиоведение есть не более чем теология, возникающая в рамках конкретной религиозной традиции, а разделы теологии как науки не есть разделы религиоведения. Всякая «политическая» спекуляция по этому поводу, выдаваемая за научную дискуссию, есть не более чем «фрик-религиоведение».

В 2015 году мы указывали на возможность ошибочных решений правоохранительной системы вследствие недостоверной информации экспертного уровня и задавали вопрос представителям так называемого «фрик-религиоведения»: кто из них будет готов переписать фундаментальные положения научных теорий в религиоведении и философии религии в угоду политико-идеологическим спекуляциям? Теперь же эта озабоченность из теоретической стала реальной, фактом действительности. 21 сентября 2016 года Конституционный суд Российской Федерации отказался рассматривать жалобу религиозной организации[14] на положения части 5 статей 11 и 12 и частей 3 и 4 статьи 27 Федерального закона Российской Федерации от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», заявив: «…государственная религиоведческая экспертиза не рассматривала вопрос о наличии или отсутствии… признаков религии, а оценивала фактическую деятельность конкретной религиозной организации с точки зрения признаков религиозной деятельности… Право на регистрацию религиозной организации не может произвольно предоставляться объединениям граждан, которые не соответствуют признакам религиозных объединений, и использоваться ими… Определение КС РФ… окончательно и обжалованию не подлежит». Мы уже не говорим о вынесенном судебном решении в отношении последователей «Свидетелей Иеговы» (запрещенная в России экстремистская организация), которым, по сути, инкриминируется их фундаментальный пацифизм, расцениваемый как культивирование деструктивных, с точки зрения идеологии потребления, практик социальной, гражданско-политической аномии.

Поскольку мы рассматриваем вызовы времени с учетом отраслевой специфики, с позиций религиоведения и в контексте национальной безопасности, то вслед за профессором Е.С. Элбакян и ее вопросами («Как религия может быть нерелигиозной?», «Как организация, обеспечивающая функционирование религиозной традиции, может быть не религиозной?»), лишь остается зафиксировать противоречие системного, сущностного порядка. Подобные решения судов, сколь бы формально логичными и обоснованными, на первый взгляд, ни казались, именно такой логической (по сути, идеологической) ущербностью они формируют политико-правовые условия, способные нанести ущерб конституционным основам государственно-политического (общественного) устройства Российской Федерации, поскольку нивелируют, упраздняют те базовые принципы, на которых покоится Российское государство (в частности, мировоззренческий и идеологический плюрализм как условие религиозного и этнокультурного разнообразия, межрелигиозного и межнационального согласия многонационального народа России). Очевидно, что этот вопрос принадлежит исключительной компетенции Федеральной службы безопасности Российской Федерации и повестки дня Совета безопасности Российской Федерации.

Заключение

Безусловно, задача религиоведов состоит в том, чтобы не только видеть и понимать подобные явления и процессы, но и прогнозировать риски, давать предложения по их профилактике и нивелированию. Организованный в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации

12 https://www.facebook.com/groups/religioved/permalink/542256739269994

13 https://www.facebook.com/groups/790162064361943/permalink/1059903177387829

14 http://www.interfax.ru/russia/529262

17 ноября 2016 года Круглый стол «Повышение уровня законодательной защиты российских граждан от мошеннических действий деструктивных сект»[15] есть серьезный шаг в деле факторного анализа ряда аспектов гражданско-политического и конституционного строительства. Однако, если он будет сведен к политизации проблем «мимикрирующими» под религиоведов теологами или, наоборот, если в результате будут приниматься и обеспечиваться меры, направленные на маргинализацию и криминализацию религиозной сферы, тогда можно утверждать, что представителями политического истеблишмента реализуется политика обеспечения конституционного переворота и изменяется форма политического устройства государства политико-правовыми, политико-идеологическими инструментами и средствами религиозной сферы [Хоружий, 2017. С. 114–120].

В структурах власти следует развивать заинтересованный полиотраслевой диалог, а также начать широкую междисциплинарную дискуссию по вопросам типологии и классификации объектов религиозной сферы, как это было в переломные 2000-е годы, материалы которых до сих пор не утратили своей актуальности: «Философско-методологические проблемы изучения религии» (М., 2000), «Религии России: пособие по вопросам государственно-конфессиональных отношений и религиоведению» (М., 2009) и «Классификация религий и типология религиозных организаций» (М., 2008).

15 http://www.council.gov.ru/events/news/73820

Литература

Аринин Е.И. Что такое религия: 500 определений термина с комментариями. Владимир, 2013. 245 с.

Классификация религий и типология религиозных организаций: Материалы конференции (МГУ, 20 марта 2008 года) / под общ. ред. Е.С. Элбакян. М., 2008. 214 с.

Козлов М.В., Шмидт В.В. «Специалист в сфере национальных и религиозных отношений»: проблемы и перспективы профессионального стандарта. *Государственная служба*. 2017. № 4. С. 73–78.

Козлов М.В., Шмидт В.В. Религиозный фактор и идеология: проблемы метода социально-политического моделирования. *Евразия: духовные традиции народов.* 2014. № 3. С. 165–171.

Мартинович В.А. Введение в понятийный аппарат сектоведения. Минск, 2008. 103 с.

Мартинович В.А. Сектантство: возникновение и миграция. М., 2018. 552 с.

Панин С.А., Козлов М.В. Религиоведческая экспертиза в России: проблемы и перспективы. *Религиоведение.* 2016. № 1. С. 77–109.

Ризоев Ш.Х., Шмидт В.В. Власть: проблема дефиниции – проблема природы. *Вопросы национальных и федеративных отношений.* 2018. Т. 8. Вып. 4(43). С. 337–347.

Харитонов А.С., Шмидт В.В. Практикующая философия: к обоснованию телеологического подхода. *Евразия: духовные традиции народов.* 2012. № 3. С. 15–38.

Хоружий С.С. Злоключения традиции, или Почему нужно защищать традицию от традиционалистов. *Вопросы философии.* 2017. № 9. С. 104–120.

Шмидт В.В. Религиоведение в системе вызовов и народно-хозяйственных задач России начала XXI в. *Религиоведческие исследования.* 2015. № 1. С. 167–190.

Шмидт В.В. Религиоведение и Теология – науки о религии: к проблеме отраслевого строительства. *Миссия конфессий.* 2016. № 14. С. 14–29.

750 определений религии: история символизаций и интерпретаций: монография / Под ред. Е.И. Аринина. Владимир, 2014. 460 с.

Lucius C. Religion and the National Security Strategy. *Journal of Church and State.* 2013. Vol. 55. Issue 1. P. 50–70.

References

750 definitions of religion: a history of symbolization and interpretation. A Monograph / Ed. by *Arinin, E. I.*. Vladimir, 2014. 460 p. In Russian

Arinin, E. I., What is religion: 500 term definitions with comments. Vladimir, 2013. 245 p. In Russian

Classification of religions and the typology of religious organizations: Conference proceedings (MSU, 2008, March 20) / Ed. by *Elbakyan, E. S.*. M., 2008. In Russian

Kharitonov, A. S., Shmidt, W. V., Practicing philosophy: to justify the teleological approach. In: *Evraziya: dukhovnye traditsii narodov*. M., 2012. № 3. P. 15–38. In Russian

Khoruzhii, S. S., Misadventures of tradition, or why you need to protect the tradition from traditionalists. In: *Voprosy filosofii.* M., 2017. № 9. P. 104–120. In Russian

Kozlov, M. V., Shmidt, W. V. Religious factor and ideology: problems of the method of socio-political modeling. In: *Evraziya: dukhovnye traditsii narodov*. M., 2014. № 3. P. 165–171. In Russian

Kozlov, M. V., Schmidt, W. V., Specialist in the field of national and religious relations: problems and prospects of professional standard. In: *Gosudarstvennaya sluzhba*. M., 2017. № 4. P. 73–78. In Russian

Lucius, C., Religion and the National Security Strategy. In: *Journal of Church and State*. 2013. Vol. 55. Issue 1. P. 50–70. In English

Martinovich, V. A., Introduction to the sectoral conceptual apparatus. Minsk, 2008. In Russian

Martinovich, V. A., Sectarianism: the emergence and migration. M., 2018. In Russian

Panin, S. A., Kozlov, M. V., Religious expertise in Russia: problems and prospects. *Religiovedenie.* 2016. № 1. P. 77–109. In Russian

Rizoev, S. H., Schmidt, W. V., Power: the problem of definition – the problem of nature. In: *Voprosy natsionalnykh i federativnykh otnoschenii*. M., 2018. Vol. 8. № 4(43). P. 337–347. In Russian

Schmidt, W. V., Religious studies and Theology – the science of religion: to the problem of sectoral construction. In: *Missiya konfessii*. M., 2016. № 14. P. 14–29. In Russian

Schmidt, W. V., Religious studies in the system of challenges and economic tasks of Russia at the beginning of the XXI century. In: *Religiovedcheskie issledovaniya*. M., 2015. № 1. P. 167–190. In Russian